

УДК 332.1+338.4

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНА

В.В. Тютюник

Тютюник Василий Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Приамурский институт агроэкономики и бизнеса, ул. Большая, 11, Хабаровск, Россия, 680009. E-mail: v.tutunik@mail.ru.

Рассматриваются термины «продовольственная безопасность», «продовольственная независимость» и «продовольственная самообеспеченность». Показывается проблема неоднозначности трактовки этих терминов в российском законодательстве, что особенно проявляется при переходе с национального уровня на региональный. На примере законодательных актов некоторых субъектов РФ, касающихся проблем региональной продовольственной безопасности, демонстрируется некорректность использования терминов. Предлагается властям субъектов РФ внести изменения в документы, касающиеся обеспечения их продовольственной безопасности: 1) полностью отказаться от стремления региона к продовольственной независимости или 2) внести уточнение, что цель по достижению продовольственной независимости региона не есть цель по его продовольственному самообеспечению, а лишь задача по региональному импортозамещению.

Продовольственная безопасность, продовольственная независимость, продовольственная самообеспеченность, национальный уровень, регион, доктрина, концепция, законодательные акты.

DOI: 10.14530/se.2016.2.168-182

Понятие «продовольственная безопасность» впервые получило политическую значимость и закрепилось в научном обороте на Всемирной конференции в Риме, проведенной в 1974 г. Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН – ФАО (FAO – Food and Agriculture Organization of the UN). Нарастание тревоги мирового сообщества в связи с медленным прогрессом в преодолении бедности и голода в развивающихся странах подталкивало к дальнейшему обсуждению данной проблематики и принятию в 1996 г. Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности, актуализированной Декларацией Всемирного саммита по продовольственной безопасности в 2009 г.

ФАО трактует понятие *продовольственной безопасности* как состояние, «когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни» [4]. Ключевым термином в этом определении является доступность продовольствия, физическая, социальная и экономическая. Так как от этого зависит социальная стабильность страны, то государство должно сделать все от него зависящее, чтобы население было способно приобрести безопасные продукты питания в объемах, соответствующих медицинским предписаниям.

Национальный уровень (РФ). В России в начале 1990-х гг. инициаторами дискуссии по поводу продовольственной безопасности страны были КПРФ и Аграрная партия. Они обращали внимание общественности и государственных органов власти на негативные процессы в отечественном сельском хозяйстве: резкое сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции и рост импорта продовольствия. Таким образом, акцент в определении продовольственной безопасности изначально делался на обилие отечественного производства, которое гарантирует независимость государства от импорта. С данной точки зрения продовольственная безопасность и *продовольственная независимость* фактически рассматривались как синонимы. Продовольственная безопасность рассматривалась как часть национальной безопасности, так же как и военная, информационная, экономическая и прочие.

Сам термин и задача по «достижению продовольственной безопасности страны» в России были впервые юридически закреплены в федеральной целевой «Программе стабилизации и развития агропромышленного производства Российской Федерации на 1996–2000 годы» [16]. Однако попытки принятия на федеральном уровне закона о продовольственной безопасности долгое время оставались бесплодными. В 1999 г. депутатами от левых партий в Государственную думу был внесен законопроект № 99013560-2 «О продовольственной безопасности Российской Федерации», принятый в первом чтении, но после длительных обсуждений все же отклоненный в 2005 г.

Данный законопроект давал следующее определение продовольственной безопасности: «состояние экономики Российской Федерации, при котором обеспечивается *продовольственная независимость* страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни». В свою очередь продовольственная независимость определялась как «условие обеспечения продовольственной безопасности, при котором в случае пре-

кращения поставок продуктов питания из-за рубежа не возникает продовольственный кризис» [9].

Как видно, в законопроекте была сделана попытка примирить две точки зрения на содержание понятия продовольственной безопасности: взгляд отечественный (как на независимость страны) и взгляд ФАО (как на доступность продовольствия), хотя и с некоторым приоритетом независимости. Критики подобного синтеза указывают на его внутреннюю противоречивость. С одной стороны, таким образом, определенное понятие стоит на стороне условных потребителей, для которых наличие импорта означает более широкий ассортимент на внутреннем рынке, удовлетворение потребностей в продуктах, которые не могут быть произведены на отдельно взятой территории, и, конечно, более низкие цены, т. е. означает физическую и экономическую доступность продовольствия. С другой стороны, оно стоит на стороне условных производителей, у которых есть шанс на стабильное развитие только при ограничении импорта.

Есть мнения о недопустимости смешивания рассматриваемых трактовок и необходимости строго разграничивать понятия «продовольственная безопасность» и «продовольственная независимость» [2]. Возможностью такого подхода стала бы более отчетливая расстановка государственных приоритетов экономического развития. Однако представляется, что и у противоположного подхода есть своя аргументация. Ее краткую суть можно выразить следующим образом: производство значительных объемов отечественных продуктов питания не есть гарантия продовольственной безопасности, хотя задача независимости этим решается.

Именно такая синтетическая дефиниция продовольственной безопасности легла в основу Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной 30 января 2010 г. Указом Президента РФ № 120. Спектр оценок данного документа экспертами широк: от восторженно-одобрительных до жестко-критических. Одни видят в нем идейную и инструментальную основу дальнейшего развития АПК, другие – популизм, экономическую провокацию, не дающую аграрной сфере никаких новых возможностей [1]. Так или иначе, на сегодняшний день Доктрина является краеугольным камнем нормативно-правового обеспечения продовольственной безопасности страны в целом и ее регионов. Согласно пункту 4 Указа федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ обязаны руководствоваться положениями Доктрины в практической деятельности и при разработке нормативных правовых актов, касающихся обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации.

Доктрина определяет понятие *продовольственной безопасности* Российской Федерации как «состояние экономики страны, при котором обес-

печивается *продовольственная независимость* Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни» [13].

Стратегической целью продовольственной безопасности в Доктрине ставится обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Гарантией ее достижения должна стать стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов.

Достижение основной цели распадается на следующие задачи:

1) своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий за счет постоянной готовности системы обеспечения граждан пищевыми продуктами, формирования стратегических запасов пищевых продуктов;

2) устойчивое *развитие отечественного производства* продовольствия и сырья, достаточное для обеспечения *продовольственной независимости* страны;

3) достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина страны безопасных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни;

4) обеспечение безопасности пищевых продуктов.

Включение понятия *продовольственной независимости* в Доктрину продовольственной безопасности России рассматривается как гарантия способности государства обеспечить население продуктами питания в случае полного или частичного прекращения внешних поставок. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ это является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе [12], элементом обеспечения государственного суверенитета.

Под *продовольственной независимостью* Российской Федерации Доктрина продовольственной безопасности РФ понимает «устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объемах не меньше установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов». Пороговые значения удельного веса продуктов устанавливаются следующие:

- зерна – не менее 95%;
- сахара – не менее 80%;

- растительного масла – не менее 80%;
- мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85%;
- молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90%;
- рыбной продукции – не менее 80%;
- картофеля – не менее 95%;
- соли пищевой – не менее 85%.

Таким образом, Доктрина строится на четырех основах: наличии стратегических запасов продовольствия, доле отечественного производства по основным видам пищевых продуктов и сырья, доступности для населения продовольствия (которая распадается на физическую и экономическую) и его качестве. Второй раздел Доктрины выдвигает перечень показателей продовольственной безопасности, на основе которых, как можно предположить, будет осуществляться целеполагание, строиться система реализации Доктрины и производиться контроль за ходом ее выполнения.

Региональный уровень (субъекты РФ). Детально описанного механизма трансформации положений Доктрины для регионального уровня в документе нет. Однако пункт 24 перечисляет задачи органов государственной власти субъекта РФ по достижению продовольственной безопасности:

- 1) реализация с учетом региональных особенностей единой государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности;
- 2) разработка и принятие нормативных правовых актов субъектов РФ по вопросам обеспечения продовольственной безопасности;
- 3) формирование и поддержка необходимых запасов и резервов продовольствия в субъектах РФ;
- 4) обеспечение ведения мониторинга состояния продовольственной безопасности на территории субъекта РФ.

В соответствии с этими задачами в ряде субъектов РФ были приняты региональные законы о продовольственной безопасности. Они действуют в Свердловской, Московской, Ульяновской, Костромской, Рязанской областях, Республике Башкортостан, Ставропольском крае [6] и других субъектах РФ. На Дальнем Востоке такие нормативно-правовые акты приняты в Хабаровском и Приморском краях. В субъектах ДФО, в которых пока не приняты специальные региональные законы об обеспечении продовольственной безопасности, цель по ее достижению ставится в различных подзаконных актах и распоряжениях губернаторов [15].

22 апреля 2014 г. распоряжением правительства Хабаровского края № 253-рп была утверждена Концепция продовольственной безопасности Хабаровского края на период до 2020 г. В ней дается следующее определение *продовольственной безопасности* Хабаровского края: это «состояние

экономики края, при котором обеспечивается *продовольственная независимость* края, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого жителя края пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни» [14].

Как видно, данное определение полностью повторяет определение Доктрины продовольственной безопасности РФ с заменой слов «Российская Федерация» словом «край». Точно так же, механически, были перенесены из Доктрины в Концепцию стратегическая цель продовольственной безопасности, задачи по ее реализации и другие понятия. Задача по достижению продовольственной независимости территории без изменений была перенесена с национального на региональный уровень. В Концепции продовольственной безопасности Хабаровского края указывается, что «целью Концепции является определение путей и способов устойчивого обеспечения в долгосрочной перспективе до 2020 г. продовольственной безопасности и *независимости Хабаровского края*». А одним из принципов Концепции, перечисленных в пункте 1.3 документа, объявляется стремление к *продовольственной независимости*.

Концепция продовольственной безопасности Хабаровского края определяет *продовольственную независимость* как «устойчивое *региональное* производство пищевых продуктов в объемах не меньше установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка края соответствующих продуктов» [14]. Таким образом, определение понятия продовольственной независимости края почти дословно повторяет определение продовольственной независимости РФ, просто подменяя слово «*отечественное*» на «*региональное*». Пороговые значения продуктов устанавливаются те же, что и в Доктрине, хотя в пункте 1.2 отмечается, что «с учетом отнесения Хабаровского края к неблагоприятным регионам для ведения сельского хозяйства продовольственная независимость считается условно достигнутой, если обеспечение продовольствием за счет *собственного сельскохозяйственного производства* составляет более 50 процентов от объема потребления населением края продуктов питания».

В соседнем с Хабаровским Приморском крае закон «О продовольственной безопасности Приморского края» был принят в 2001 г. Он также содержит в качестве основного понятие *продовольственной независимости*, понимаемой как «условие обеспечения продовольствием *собственного производства* не менее 60 процентов годовой потребности населения Приморского края в соответствии с физиологическими нормами питания» [8].

В законе Республики Ингушетия «О продовольственном обеспечении Республики Ингушетия» тоже присутствует стремление к *продовольственной независимости*, которая здесь определяется как «условие продовольственного обеспечения, при котором в случае прекращения поставок продуктов питания из-за пределов республики не возникает чрезвычайной продовольственной ситуации» [11]. Логично утверждать, что «из-за пределов» означает не только импорт, но и ввоз продукции из других регионов.

В законе Ульяновской области «О продовольственной безопасности Ульяновской области» понятия продовольственной независимости нет, но в статье 3 указывается, что «для оценки состояния продовольственной безопасности используется система показателей, установленная Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» [10]. И региональные законодатели пороговые значения удельного веса *отечественной* сельскохозяйственной продукции и продовольствия Доктрины превратили в пороговые значения удельного веса основных видов сельскохозяйственной продукции и продовольствия, *произведенных на территории Ульяновской области*.

Логика региональных законодателей, по всей видимости, была следующая: региональный нормативно-правовой акт о продовольственной безопасности разработан в соответствии с федеральным законодательством о продовольственной безопасности – следовательно, понятие региональной продовольственной безопасности должно опираться на понятие продовольственной безопасности России. То же относится и к понятию продовольственной независимости региона.

Однако какие задачи решает включение понятия *продовольственной независимости*, понимаемой как *самообеспечение*, в региональный программный документ? У региона не может быть задачи обеспечения собственного суверенитета. Региональная экономика не может и не должна быть автономной по определению, так как она является частью единого хозяйственного комплекса страны, в рамках которого сложилась своя система территориального разделения труда. Производство промышленных и продовольственных товаров географически распределяется в соответствии с наличием в том или ином регионе лучших условий для их производства: наличие природного сырья, материалов, рабочей силы, природно-климатических условий и т. д. На основе территориального разделения труда складывается уникальная система территориально-производственных комплексов и экономических районов, которые совсем не обязательно совпадают с административными границами субъектов РФ. Попытка замкнуть региональную экономику в рамках административных границ субъекта федерации неизбежно приведет к нарушению кооперационных связей с другими регионами, подрыву

специализации территории и, в конечном итоге, снижению эффективности как экономики территории, так и экономики страны в целом. Также это прямо противоречит обозначенной в пункте 20 Доктрины продовольственной безопасности РФ мере по ее обеспечению: «стимулирование развития интеграции и кооперации в сфере производства, переработки и реализации сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия» [13].

Если отбросить объяснение законодательных инициатив властей субъектов РФ их стремлением к сепаратизму, что еще может побудить региональных чиновников и депутатов ставить перед собой цели *продовольственной самообеспеченности*? Можно попробовать объяснить это невнимательностью региональных властей или их страхом хоть в чем-то противоречить федеральному центру, или просто тем, что подобные документы изначально рассматриваются как декларативные и необязательные к исполнению, хотя вред наносят уже реальный. Результатом вольного интерпретирования понятий региональной продовольственной безопасности и независимости, по данным мониторинга, проводимого ИСЭП АПК РАН, стало снижение территориальной специализации производства. Например, в Ульяновской и Самарской областях производство овощей возросло в 1,5 раза, а в Астраханской и Волгоградской областях, традиционно более благоприятных для этого, объемы упали [7, с. 82].

В своем докладе на расширенном заседании правительства Хабаровского края, которое проходило в 2013 г., министр сельского хозяйства края Александр Яц отметил: «Каждый субъект РФ не может и не должен полностью обеспечивать себя продовольствием. Согласно Доктрине, утвержденной президентом, задача Хабаровского края – вносить свой вклад в общую потребительскую корзину Российской Федерации. То, что производится в регионе, направлено на удовлетворение потребностей каждого жителя страны» [5]. То есть, во всяком случае, хабаровские власти не рассматривают экономику региона отдельно от экономики страны. И тем не менее приняли такой противоречащий документ, как Концепция продовольственной безопасности Хабаровского края.

Безусловно, задача по повышению собственного сельскохозяйственного производства в регионе может и должна рассматриваться. Но это должна быть задача экономической эффективности, а не задача достижения некоторого порога продовольственной самообеспеченности. Если выгодно производить продукцию в регионе – ее следует производить в регионе, если более выгодно ввозить продовольствие из других субъектов РФ – следует ввозить. В программных документах субъектов РФ, посвященных достижению регионами своей продовольственной безопасности, необходимо либо вовсе устранить в качестве одной из задач достижение

регионами продовольственной независимости, либо делать различия между понятиями региональной продовольственной независимости и самообеспеченности.

В качестве поддержки первого варианта предлагается рассматривать структуру проблемы достижения продовольственной безопасности России как иерархичную (табл. 1). Таким образом, цель по достижению продовольственной независимости будет являться прерогативой исключительно федерального центра.

Таблица 1

Иерархическая структура основных элементов продовольственной безопасности

Элементы продовольственной безопасности	Уровни иерархии			
	общенациональный	региональный (федеральных округов, субъектов РФ)	групповой (социальных групп)	индивидуальный
Физическая доступность	+	+	+	+
Экономическая доступность	+	+	+	+
Независимость	+			
Надежность	+	+	+	
Устойчивость	+	+		

Источник: [3].

Во втором варианте достижение продовольственной независимости на уровне региона может рассматриваться только как подзадача реализации продовольственной независимости страны. То есть определение *региональной продовольственной независимости* должно быть следующим: *устойчивое региональное производство и ввоз отечественных пищевых продуктов* в суммарных объемах не меньше установленных пороговых значений их удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов. Задача достижения *продовольственной независимости* в данной трактовке вполне может ставиться перед региональными властями, но не задача обеспечения *продовольственной самообеспеченности*.

В Концепции продовольственной безопасности Хабаровского края также присутствует термин «*самообеспеченность*». В соответствии с пунктом 1.3 документа, наряду со стремлением к продовольственной независимости принципами обеспечения продовольственной безопасности региона являются:

- принятие управленческих решений, исходя из изменения текущего и перспективного состояния *самообеспеченности*;

• определение и планирование мер государственной поддержки и разработка соответствующих программных мероприятий, исходя из эффективности использования бюджетных средств и роста показателей *самообеспеченности*.

Для оценки современного состояния продовольственной безопасности региона Концепция содержит таблицу «Пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в сравнении с *самообеспечением в крае*» (табл. 2).

Таблица 2

**Пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности
Российской Федерации в сравнении с самообеспечением в Хабаровском крае, %**

Наименование продукта	Удельный вес отечественной сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов					+, – к 2012	
	пороговые значения по Доктрине Российской Федерации	уровень самообеспечения в крае			к значениям Доктрины Российской Федерации	к 2010	
		2010	2011	2012			
1	2	3	4	5	6	7	
Мясо и мясопродукты	85,0	21,5	21,1	20,1	-64,9	-1,4	
Молоко и молокопродукты	90,0	18,3	17,8	17,6	-72,4	-0,7	
Рыбная продукция	80,0	272,2	272,4	272,4	+192,4	+0,2	
Картофель	95,0	96,5	95,1	94,2	-0,8	-2,3	
Яйца (не определено Доктриной Российской Федерации)	–	81,2	72,8	80,2	–	-1,0	

Источник: [14].

Определение понятия *продовольственной самообеспеченности* в Концепции отсутствует. Однако исходя из того, что столбцы 3, 4, 5 – показатели уровня самообеспечения в крае составителем были объединены подзаголовком «Удельный вес *отечественной* сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов», можно сделать вывод, что понятие самообеспеченности документом трактуется широко и включает в себя не только *региональное производство* сельскохозяйственной продукции и продовольствия, но и *ввоз их из других субъектов РФ*.

Хотя выбор термина, так широко определяемого, видится неудачным, ведь само по себе слово «самообеспеченность» предполагает некоторую опору на собственные силы, без помощи извне, тем не менее предложение ориентироваться в оценке состояния продовольственной безопасности края на удельный вес отечественной, а не региональной сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов является

разумным. Однако в разделе 2 Концепции продовольственной безопасности Хабаровского края региональный законодатель противоречит сам себе, прямо указывая, что «для оценки состояния продовольственной безопасности используются показатели удельного веса сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия *производства Хабаровского края* в общем объеме товарных ресурсов краевого рынка соответствующих продуктов...». Это такие показатели, как:

- «удельный вес сельскохозяйственной продукции и продовольствия, *произведенных в крае*, в общем объеме товарных ресурсов;
- доля сельскохозяйственной продукции, *произведенной в крае*, в общем объеме реализованных продовольственных товаров;
- темпы роста объемов производства обогащенных, диетических и функциональных продуктов питания, *произведенных в крае*;
- удельный вес бутилированной питьевой воды *производства предприятий края* в общем объеме потребляемой питьевой воды» [14].

Таким образом, желаемым состоянием продовольственной безопасности края Концепция все равно предполагает *самообеспеченность*, понимаемую в узком смысле, т. е. достигаемую исключительно посредством *регионального производства* пищевых продуктов.

Отсутствие признанных однозначных формулировок базовых понятий продовольственной безопасности характерно не только для регионального законодательства, но и для научной сферы¹.

Помимо рассмотренной выше статьи «К разработке методолого-теоретических проблем исследования продовольственной безопасности России» [3], в качестве редкого примера работы, высказывающей критические замечания в данном вопросе, необходимо упомянуть публикацию «О неправомерности распространения на регионы задачи обеспечения своей продовольственной безопасности» [7], где прямо указывается, что «если связывать продовольственную безопасность регионов с их экономикой, то закономерно предполагать, что они свою экономику будут формировать по принципу суверенных государств. Это не может рассматриваться иначе, чем угроза федеративному устройству России, что является дополнительным

¹ Проблеме продовольственной безопасности посвящено множество научных монографий и научных статей, увидевших свет в последнее время. Сайт научной электронной библиотеки открытого доступа «КиберЛенинка» (cyberleninka.ru) содержит более 500 научных статей, опубликованных с начала 2000-х гг. по этой тематике. Значительная часть из них посвящена проблеме региональной продовольственной безопасности. Однако почти все они существуют в той же порочной логике толкования продовольственной безопасности региона, что и региональные законодатели: безопасность означает независимость, независимость означает самообеспечение. Статьи содержат оценки достижения показателей самообеспеченности тех или иных регионов, расчеты интегральных показателей продовольственной безопасности, но почти никто из авторов статей не ставит под сомнение целесообразность применения подобных показателей к региональным экономикам.

аргументом необоснованности распространения на регионы задачи обеспечения ими своей продовольственной безопасности» [7, с. 81].

Помимо этого, не поддерживается идея возложения на регионы задачи обеспечения своей продовольственной безопасностью. Хотя не совсем ясно, какое содержание вкладывается в данное понятие. Судя по приведенной аргументации, *продовольственная безопасность* понимается как составное понятие, куда включаются и *продовольственная независимость* (импортозамещение), и *самообеспеченность* (опора только на собственное производство), и обеспечение доступности продовольствия.

В работе [7] обосновывается вывод о том, что стремление регионов к продовольственному самообеспечению противоречит задаче повышения эффективности экономики России, а стремление к продовольственной независимости и доступности для регионов неподъемно. Однако представляется, что сразу и бесповоротно отказываться от идеи возложения на регионы цели по достижению собственной продовольственной безопасности преждевременно: это может и должно быть предметом дискуссии. Что же касается критики авторами стремления регионов к продовольственной самообеспеченности, то тут с ними сложно не согласиться.

Можно выделить два главных аргумента против достижения регионами уровня *самообеспеченности продовольствием*, высказанных авторами упоминаемых работ: во-первых, данная задача регионов вступает в противоречие с их положением как участников единого экономического пространства Российской Федерации (ст. 8 Конституции РФ); во-вторых, межрегиональные продовольственные потоки есть следствие неизбежного процесса развития в стране общественного разделения труда и региональной специализации. Традиционно регионы дифференцируются на производящие (вывозящие продукты питания, а также самообеспечиваемые) и потребляющие (ввозящие) продовольствие. К первой группе относятся регионы Центрально-Черноземного, Северо-Кавказского и Поволжского, часть регионов Центрального, Уральского и Западно-Сибирского экономических районов. Ко второй – регионы Северного, Северо-Западного, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов.

Также отмечается, что стремление регионов к самообеспечению продовольствием ведет к привлечению финансовых ресурсов на производство сельскохозяйственной продукции в регионах с неблагоприятными для этого природными условиями, определяющими высокие издержки, в ущерб финансированию других социальных и экономических задач.

В заключение хотелось бы еще раз отметить ту опасность, которую несут региональные нормативно-правовые акты о продовольственной безопасности в их современном виде. Стремление регионов к продовольствен-

ной самообеспеченности под видом продовольственной независимости является угрозой экономической, а возможно и политической целостности России. На это обязаны обратить внимание федеральные органы власти и управления. Власти же субъектов РФ должны внести изменения в документы, касающиеся обеспечения их продовольственной безопасности. Необходимо либо полностью отказаться от стремления региона к продовольственной независимости, либо внести уточнение, что цель по достижению продовольственной независимости региона не есть цель по его продовольственному самообеспечению, а лишь задача по региональному импортозамещению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С.Ю. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: оценка экспертов // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 37–46.
2. Безматерных Н.С. Продовольственная безопасность региона и факторы, ее определяющие // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2008. № 3. С. 81–86.
3. Гумеров Р.Р. К разработке методолого-теоретических проблем исследования продовольственной безопасности России // Российский экономический журнал. 2003. № 7. С. 9–26.
4. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности / Всемирный саммит по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf (дата обращения: май 2016).
5. Доктрина продовольственной безопасности Хабаровского края станет долгосрочной // AmurMedia. 2014. 3 июня.
6. Климова Н.В. Продовольственная безопасность – основа обеспечения экономической безопасности региона // Фундаментальные исследования. 2012. № 9-1. С. 214–219.
7. Колесняк А.А., Колесняк А.В. О неправомерности распространения на регионы задачи обеспечения своей продовольственной безопасности // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2009. № 9. С. 80–83.
8. О продовольственной безопасности Приморского края: закон Приморского края от 15 ноября 2001 г. № 163-КЗ // Система «ГАРАНТ».
9. О продовольственной безопасности Российской Федерации: проект федерального закона № 99013560-2 // Система «ГАРАНТ».
10. О продовольственной безопасности Ульяновской области: закон Ульяновской области от 4 мая 2008 г. № 69-ЗО // Система «ГАРАНТ».
11. О продовольственном обеспечении Республики Ингушетия: закон Республики Ингушетия от 14 апреля 2003 г. № 17-РЗ // Система «ГАРАНТ».
12. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Система «ГАРАНТ».
13. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // Система «ГАРАНТ».

14. Об утверждении Концепции продовольственной безопасности Хабаровского края на период до 2020 года: распоряжение Правительства Хабаровского края от 22 апреля 2014 г. № 253-рп // Система «ГАРАНТ».

15. Об утверждении Плана мероприятий Правительства Сахалинской области по выполнению указов Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2012 года: распоряжение Правительства Сахалинской области от 8 апреля 2015 г. № 152-р // Система «ГАРАНТ».

16. *Ястребинская Г.А.* Продовольственная безопасность, экономика и экология // Никоновские чтения. 2011. № 16. С. 24–26.

FOOD INDEPENDENCE OF THE REGION

V.V. Tyutyunik

Tyutyunik Vasily Vladimirovich – PhD in History, Head of the Chair of Humanitarian and Socio-Economic Studies, Priamurskiy Institute of Agroecomics and Business, 11 Bolshaya Street, Khabarovsk, Russia, 680009. E-mail: v.tutunik@mail.ru.

The article deals with such basic definitions as food security, food independence and food self-sufficiency of the region. The author shows the ambiguity problem of interpretations of these terms in the Russian legislation, which is especially evident in the transition from the national to the regional level. Using the example of legislative acts of some of the Russian Federation's subjects the study demonstrates the incorrect use of mentioned terms. In author's opinion, regional authorities in the Russian Federation must introduce amendments to the legislative documents concerning food security. To be more concrete, the regional authorities should either deny the goal of food independence for a particular region, or specify that the goal of reaching food independence for the region does not mean food self-sufficiency, but just import substitution on the regional level.

Keywords: food security, food independence, food self-sufficiency, national level, region, doctrine, concept, legislative acts.

REFERENCES

1. Barsukova S.Yu. Russia's Food Security Doctrine: Experts' Opinion. *Terra Economicus – Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 37–46. (In Russian).
2. Bezmaternykh N.S. Food Safety of a Region and the Factors of Food Safety. *Vestnik Altayskogo Gossudarstvennogo Agrarnogo Universiteta* [Bulletin of Altai State Agrarian University], 2008, no. 3, pp. 81–86. (In Russian).
3. Gumerov R.R. On Development of Methodological-Theoretical Problems of the Study of Food Security in Russia. *Rossyyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal – Russian Economics Journal*, 2003, no. 7, pp. 9–26. (In Russian).
4. *Declaration of the World Summit on Food Security*. World Summit on Food Security (Rome 16–18 November 2009). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf (accessed May 2016). (In Russian).
5. Food Security Doctrine of the Khabarovsk Territory will be Long-Lasting. *AmurMedia – AmurMedia*, 2014, 3 June. (In Russian).

6. Klimova N.V. Food Safety – the Basis of Cost the Region’s Security. *Fundamentalnye Issledovaniya – Fundamental Research*, 2012, no. 9-1, pp. 214–219. (In Russian).
7. Kolesnyak A.A., Kolesnyak A.V. On the Illegality of Distribution to the Regions the Task of Ensuring Self-Sufficiency with Food Security. *Vestnik Altayskogo Gossudarstvennogo Agrarnogo Universiteta* [Bulletin of Altai State Agrarian University], 2009, no. 9, pp. 80–83. (In Russian).
8. *On Food Security in Primorsky Territory: The Law of Primorsky Territory of November 15th, 2001 No. 163-KZ*. System «GARANT». (In Russian).
9. *On Food Security of the Russian Federation: The Draft Federal law No. 99013560-2*. System «GARANT». (In Russian).
10. *On food security of the Ulyanovsk Territory: Ulyanovsk Territory law of 4 may 2008 No. 69-ZO*. System «GARANT». (In Russian).
11. *On Food Supply of the Republic of Ingushetia: The Law of the Republic of Ingushetia of 14 April 2003 No. 17-RZ*. System «GARANT». (In Russian).
12. *On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation of 12 may 2009 No. 537*. System «GARANT». (In Russian).
13. *On Approval of Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 30 January 2010 No. 120*. System «GARANT». (In Russian).
14. *On Approval of Food Security Concept of the Khabarovsk Territory for the Period Till 2020: Order of the Government of Khabarovsk Territory of 22 April 2014 No. 253-rp*. System «GARANT». (In Russian).
15. *On Approval of the Action Plan for the Government of the Sakhalin Territory to Implement the Decrees of the President of the Russian Federation V.V. Putin of May 7, 2012: Order Government of the Sakhalin Territory of 8 April 2015 No. 152-R*. System «GARANT». (In Russian).
16. Yastrebinskaya G.A. Food Security, Economy and Ecology. *Nikonovskie Chteniya* [Nikonov Reading], 2011, no. 16, pp. 24–26. (In Russian).